

ДЕВЯТЬ ДОЧЕРЕЙ АМУРА

Алина ЧАДАЕВА

В ДОМЕ культуры ульчского села Булава много лет хранится заветный фильм. Скажи кому-нибудь: сегодня, мол, будут крутить «Любовь каюра» — и объявления вывешивать не надо, стар и млад непременно придут смотреть. Придет, в который уж раз, и Петр Леонтьевич Дечули. Ведь это им сочиненную музыкально-песенную драму положила в основу фильма киностудия Хабаровского телевидения. Сейчас он — заслуженный работник культуры республики — встретится на экране с собой молодым, со скромным библиотекером.

Петр Леонтьевич — хореограф по призванию. Очень трудно «поверить алгеброй гармонию» таланта. И все-таки какова родословная танцев, придуманных и поставленных Дечули, таких, например, как «Рыбки в воде», «Утята и коршун»? Я спрашиваю об этом автора и слышу незащепленный ответ:

— Кто не видел, как выводки утят плавают? Полощутся свободно, спокойно. Посиди на берегу подольше, взгляни вверх — коршун высоко парит — парит, будто ему и дела нет, кто это копошится там, внизу. Вдруг сложит крылья и черной стрелой стремглав в воду. Никогда не промахнется. Зоркий. И — нет одного утенка, и другого, и третьего...

Для равнодушного взгляда в этой обычной сценке — и драматизм, и выразительные пластические аккорды. Парение — полет — падение коршуна. Мирные хлопоты утят: хлопанье крыльями, хлопанье в воде — и смятение. Перепады настроения — от безмятежных к бурным. Как заманчиво выразить их пластикой танца. Так возник замысел хореографической пантомимы. Возник сегодня. Но «пуловиною» своей связан с временами древнейшими, когда охотники, облачившись в маску и шкуру животного, плясали бизона, медведя, страуса-эму, воруна, кита... Это был еще не театр, а скорее урок, чтобы молодые охотники могли предвидеть все повадки животных.

Наблюдение плюс подражание — праимпульс охотничьих плясок. Балет, созданный ульчем Дечули, тоже начинается с под-

ражания. Начинается, но перерастает совсем в иное: любое движение стихии природы Петр Дечули воспринимает как поэт, чувствующий стихию слова. Игра рыб в реке, зыбкие кольца на воде от их прыжков — и в этом есть стройный ритм и внутренние рифмы.

«Танцевальными картинками» называет Петр Дечули свои произведения. Их герои — стаи волн и стаи рыб, крылатый ветер и крылатая чайка — первородные картины природы, переведенные на язык национальной пластики.

Еще ребенком Дечули усвоил элементы этого языка. Им разговаривали с душой медведя на самом большом празднике ульчей — медвежьем. Самый торжественный момент церемонии — когда старший в роду возлагал голову «хозяина тайги» на почетное место — настил посреди жилища, устланный хвоей со стружками. Голову окружали дарами — клали колчан со стрелами, табак, сахар, резные ковши и туши осетровых рыб. И пока совершалось действие, одна из женщин надевала узорный халат из рыбьей кожи, в руки брала по пучку травы и, повернувшись спиной к медведю, начинала танцевать. А ее сородичи выбивали ритм.

Впрочем, танцевали не только на медвежьем празднике. Петр Леонтьевич рассказал мне одну историю, когда с помощью танца-заклинания старые люди пытались воздействовать на космос.

— Был такой случай у нас в Булаве. Я дома сидел, лет десять мне. Слышу — бубны бубнят. Выглянул за дверь: старухи на улицу высыпали. Что такое? Говорят: «Луна умирает». И правда: она красная сделалась, как кровью истекает. Старухи, старики в бубны бьют, пляшут, просят луну не умирать. Стучали-плясали, луна белее-белее, потом совсем как прежняя стала. Все радуются: выздоровела луна. Александра Ивановна Волынская, учительница русская у нас была, тут же ночью всех детей в школу повела. Стала объяснять, что это было затмение луны...

Дечули сочиняет свои хореографические композиции в традициях национального искусства, далекого от классического европейского балета. И так уж удачно сложились обстоятельства, что в самом начале своего творческого пути он встретился с

русским хореографом Татьяной Федоровной Петровой-Бытовой.

Наверное, нет на Севере и Дальнем Востоке ни одного национального ансамбля, где бы не знали ее имени. И создавали эти ансамбли чаще всего выпускники Ленинградского института народов Севера, ее ученики. Впрочем, и учителя одновременно. Благодаря им (а они представляли двадцать шесть национальностей) она познавала этнографические тонкости быта, своеобразие мышления, фольклор северян.

Я спросил Петра Леонтьевича: — Кто писал музыку для ваших композиций?

— Сам придумывал, — ответил он. — Сочину и бегу к дочке быстрее, чтоб не забыть. Она записывает. А бывает и наоборот: мой танец — ее музыка.

Воспитанниц у Петра Леонтьевича куда больше, чем дочерей у Амура. Среди них — молодой хореограф ансамбля Надя Росугбу, самая юная солистка Эля Дяфу и, конечно, дочери Петра Дечули. Одной из самых одаренных танцовщиц Севера, исполнявшей партию чайки, называет Т. Ф. Петрова-Бытовая Клару Дечули.

Но, пожалуй, наиболее тесный творческий контакт-дуэт у Петра Леонтьевича с дочерью Лилей, профессиональным музыкантом и первым ульчским композитором. Она окончила дирижерско-хоровое отделение Хабаровского училища искусств, а потом два года стажировалась при Ленинградской консерватории.

В один из знойных июльских дней я пришла в дом к Лилии

Петровне и попросила рассказать о творческом содружестве с отцом. Она откинула крышку пианино, раскрыла рукописный (пока еще не опубликованный) сборник и, аккомпанируя себе, напела «Песню о Булаве»:

*Булава — солнечный луч
в обручальном кольце тайги,
в колыбели зеленых круч
и великой Мангу-реки...*

Мелодия — песня — танец — этот сплав жанров стал возможен благодаря редкому — с полуслова, полутакта — взаимопониманию Петра Леонтьевича и Лилии Дечули. Впрочем, что ж тут удивительного, если с детства Лилия была ученицей и единомышленницей отца, танцевала в его ансамбле, жила его заботами!

Когда-то русский композитор М. И. Глинка высказал гениальную мысль, что музыку создает народ. Композиторы ее только аранжируют. Я думала об этом, когда Лилия Петровна ли стала своей «Детский альбом», где собраны песенки, сочиненные ею для малышей детского сада, в котором она работает.

Слиянность песни и танца — явление чисто фольклорное, и Лилия Петровна наследует и разрабатывает давние традиции, передает их своим воспитанникам. Несколько лет назад в средней школе Булавы она сформировала фольклорную группу. Занимались много и увлеченно — днем в классе, вечерами у Лилии Петровны.

Лирическая нежность с искорками доброго юмора — стиль детских песен Лилии Дечули. Их признание пока изустно: их любят и поют дети. Им аплодировали в Москве, когда четверо ребят из школьного фольклорного ансамбля (сейчас уже десятиклассники) показывали некоторые песни на смотре художественной самодеятельности. Настала пора всерьез говорить о выпуске сборника песен ульчского композитора Лилии Петровны Дечули, создающей самобытные произведения на основе национального фольклора.

И разве не знаменательно, что в будущем издании рядом встанут имена отца и дочери — Петра и Лилии Дечули?! Ведь это явление само по себе многозначно. В нем зрима преемственность культурных традиций народа.

Первый ульчский композитор Лилия ДЕЧУЛИ с участницей фольклорного ансамбля Юлей ПЛАСТИНОЙ.